

НЕВЕСТА

Размеренную жизнь колхозной деревни Могилёвской области нарушила война, в особенности когда немецкие солдаты вошли в неё и разместились по хатам. Грязные, облипшие глиной грузовики заполнили узкую улицу и закоулки. У колодцев, в шинелях лягушачьего цвета, толпились солдаты, лопотали что-то по-своему. Они набирали воду и таскали её к походным кухням.

Староста, бывший продавец сельской лавки, выбирал пригодные для офицеров хаты. Если квартира оказывалась подходящей, автоматически выгоняли хозяев прямо на улицу, или в сарай, или оставляли в холодных сенях.

Солдаты разместились в сельском клубе. Перед вечером немцы согнали к клубу всех жителей деревни и через переводчика зачитали приказ, в котором населению запрещалось выходить на улицу после девяти часов вечера. В случае нарушения солдаты будут стрелять без предупреждения. И ещё... в двухдневный срок они должны сдать молоко, масло, яйца, тёплые вещи.

Наступала зима. Снег вперемешку с дождём расквашивал дороги. Крепчали морозы. Они сковали пруд, речку, деревню. На деревьях трепетали в одиночестве не успевшие облететь листья.

Петька и Ганка вместе с другими подростками и взрослыми работали в основном на заготовке дров. В лес шли затемно, когда на небе ещё светились бледные звёзды. В морозном воздухе висела предугрешная тишина. Стоя по колено в снегу, пилили деревья. Заиндевелившие деревья падали на сугробы. Брёвна возили на тощих лошадёнках. Дети находили время и место для разговоров о партизанах, немцах. При встречах вспоминали школу, клуб. Как Петька с Ганкой попеременно залихватски пели частушки. Колхозники смеялись, хлопали в ладоши и кричали: «Ещё вжарьте!» Особенно когда они спели частушку про счетовода. В этот вечер бабка сказала Петьке: «А твоя невеста не только быстро бегаёт да вертится, как стрекоза, ещё и красавица. Вырастет — ухватистая будет, и голосок у неё чисто хрустальный». От этих слов Петька покраснел и рассердился на свою бабку.

Это было до войны. А сейчас военный субботний день. Вечерело. Быстро сползло к горизонту багровое солнце. Сизый дымок, выходявший из труб хат и бань, низко стелился вдоль деревни. На крыльце Ганкиной избы курили и гоготали подвыпившие немцы. Один из них, под аккомпанемент губной гармошки, показывал фокусы с носовым платком и монетой. Потом стал «откусывать» один за одним пальцы своих рук. Ганка смотрела на немца, «съедавшего» пальцы, из холодных сеней. Она вышла на крыльцо и, смеясь, стала повторять фокус немца. Зрители, согнанные старостой к дому Ганки, бурно аплодировали ей: «Ай да молодец!» Немец схватил Ганку за шарф, который оказался у него в руках. Она выхватила его из рук и, притопывая в такт, частушки запела:

Бежит курица по улице,
Кричит: «Кара-кара!
Скоро Гитлера проклятого
Распилят на дрова!»

Толпа замерла. Солдаты захохотали. Переводчик что-то шепнул немецкому офицеру, лицо которого изменилось враз. Тем временем Ганка соскочила с крыльца, побежала, продолжая петь новый куплет частушки:

Сидит Гитлер на заборе...

Автоматическая очередь догнала её. Ганку повело в сторону, и она упала.

Хоронили Ганку на следующий день. Колючий ветер бил в лицо, обжигая щёки. В лесу разыгралась вьюга. Не видно стволов деревьев. Казалось, что макушки их повисли в воздухе. Гроб на погост несли бабы. Петька подошёл. Увидел её спокойное лицо. Ему захотелось услышать её разливно-звонкий голос, увидеть её серые глаза. Но Ганкины губы были плотно сжаты, а глаза закрыты. Гроб опустили в могилу. Все бросили по горстке мёрзлой земли. «Вот тебе и невеста», — вспомнив слова бабки, подумал Петька.

А снег всё падал и падал, и вскоре могильный холмик скрылся под белым саваном. И как будто не было на свете голосистой девчонки Ганки.

ВЕТХОЕ ПАЛЬТО

Новый корпус общежития находился на улице Мира, сто двадцать два «Б», в центре Красноярска. На проживание в нём имели право в первую очередь студенты, приехавшие из

Других союзных республик, студенты из числа северных народов Российской Федерации, сироты и студенты из малообеспеченных семей. Начиная с третьего курса, в этом общежитии имели право жить те, которые успешно учились и принимали активное участие в общественной жизни института. Почти все площади здания общежития, включая коридоры, лестничные марши, были на самообслуживании. Средства для мытья полов давали в ограниченном количестве.

Потому выходили из положения кто как мог. Студент четвёртого курса художественно-графического факультета во время своего дежурства потребовал от коменданта общежития и вахтёрши тряпку для мытья полов, но безрезультатно. Заглянул он в шкаф, где висело пальто вахтёрши. Вырезал кусок ватина под саржевой подкладкой. Нашёл всё-таки чем мыть. Зачем только устроил скандал? Алексей усердно занимался своим делом, не обращая внимания на слова вахтёрши: «Тряпка-то какая хорошая. Вон как сухо вытирает пол. Где взял?» Она попросила у студента оставить ветошь для неё, чтобы в конце смены помыть своё рабочее место и кабинет коменданта.

На автобусной остановке вахтёрша почувствовала, что спина её промерзает. «Надо денег скопить на новое пальто. Это совсем уж не греет», — мелькнуло в её голове при входе в рейсовый автобус. Дома обнаружила отсутствие ватина в спинной части пальто и догадалась.

Алексея после разборок в различных инстанциях, в том числе и на комсомольском собрании, выгнали из общежития, отчислили из института. Ему ничего не оставалось, как уехать к отцу в свой Тюхтетский район. Как он объяснялся с отцом, мне неизвестно. Только знаю, Алексей предстал перед вахтёршей с извинениями и с новым пальто. «Как раз и цвет мой любимый — синий, — с радостью проговорила она, красуясь обновкой. — Молодец, Алёша, что порешил моё пальто. Ветхое оно было. Мне его купил Василий, мой покойный муж. Царствие ему небесное. Вот уж двадцать годков как его нет».

Алексея восстановили в институте, дали место в общежитии. С тётей Дусей, так звали вахтёршу, они подружились. Алексея и студентов, проживающих с ним в одной комнате, она частенько потчевала пирожками. Иногда Дуся пыталась сунуть в руки Алексею рубль. Может быть, таким образом расплачивалась с ним за новое пальто? Она часто рассказывала историю, связанную со своим зимним пальто коричневого цвета. Всякий раз заканчивала её словами: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».